

Неупокоенные следы

— А это ледяное сало! — сказала Соня и показала на лужу, в которой плавало что-то белое, неприятное на вид. Сама лужа дымилась.

— Откуда здесь лужа? — насторожилась я. — Вся вода давно замерзла.

Соня присела на корточки, выудила из снега тонкую палочку и потыкала ею свое ненаглядное ледяное сало. Оно отплыло и закачалось.

— Не отвлекайся, — сказала я. — У нас миссия.

— Да-да, — кисло ответила Соня. — Мотаемся уже час, и ничего. У меня сапоги протекают. Ноги сырые. И насморк.

Она хлюпнула носом. Специально, чтобы мне стыдно было. Я же вытащила подругу на тысячеградусный мороз, заставила бороздить сугробы, а потом еще и не дала поближе познакомиться с ледяным салом. Кто я после этого? Чудовище!

Никаких следов возле лужи и рядом с корпусом мы не нашли. Сам корпус мягко сиял окнами, все три этажа с узкими балконами. Уютно и тепло. Сеялся снежок, на темно-синем небе

зажигались звезды. Вообще ничего зловещего, сплошная красота. Но я своими глазами видела! Сегодня утром!

Короче. Утром я ходила на завтрак одна — Соню срочно забрали на анализы и не отпускали до обеда. Всю кровь высосали, как сказала Соня. И я ей верю. Эти — могут. И вот я шла, никого не трогала, старалась не контактировать с пенсионерами. С ними легко войти в контакт и трудно из него выйти: начнут трюндеть, что в их-то время морозы были сорок градусов, а дети слушались и читали книги. Оно мне надо? Я шла себе, шла и увидела на обочине следы. Огромные. Где-то почти с локоть длиной, если пальцы в кулак сжать. Но это не главное. Главное, это были следы одной — прописью «одной»!!! — ноги.

Я тогда внимание не особо обратила. Мало ли, приехал в наш санаторий новенький дед, потерял ботинок, развеселился, решил под окнами у старушек изобразить брачный танец страуса. Конечно, сейчас не март, рано еще таким заниматься, но, может, у него досрочные симпатии. Или кукуха отлетела. Здесь и такие водятся.

Я сфоткала один след — просто ради прикола — и в комнату пошла. А потом подслушала, как кто-то за дверью сказал: «Чертовщина какая-то. Вещи пропадают, потом возвращаются. И следы эти...» Эти! — поняла я. То есть те, одной ноги.

Когда Соня с анализов вернулась, я ей тут же все выложила. Она сидела мрачная и торжественная

после процедурного кабинета, но вроде кивала. А потом с ненавистью оторвала детский пластырь с поросятами с того места, где кровь брали, и говорит:

— Ерунда это все. Ну, следы. Чего в них особенного?

— Ты что, не понимаешь? Одна нога! Ходит. Без тела.

— Кто тебе сказал, что без тела? Может, одноногого человека привезли лечиться после операции. А ты тут ржешь.

— Я не ржу, а нормально разговариваю, в отличие от некоторых. Если человек без ноги, тогда были бы костыли! От них лунки остаются. Лунок не было! А если он на одной лыже ехал, а ногой подгребал, тогда были бы палки. И от них тоже лунки. И след от лыжи. Без вариантов получается. Нога сама по себе.

Вроде убедила Соню. Но потом нас опять развели по процедурам, встретились мы только за ужином и решили не идти в корпус, а ногу выслеживать. Хоть какое-то развлечение. Только нога совсем не выслеживалась, вероятно, с утра нагулялась, а теперь устала и в тепле отдыхает.

Я вздохнула и прошагала чуть дальше, в глухую часть парка, куда не дотягивались фонари. Там начиналась пешеходная тропа — узкая, извилистая, а по сторонам густые высокие елки.

— Ты куда? — догнала меня Соня и больно вцепилась в руку. — Мне тут не нравится. Темно. И вообще, опасно.

— Спокойно! — сказала я самым твердым голосом. Твердым, примерно как... ну, карандаш. Я умею мыслить логически. У нас охраняемая зона. Забор по периметру высокий. Вход надежно закрыт после 18:00, строго по инструкции. Сторож — ветеран. У него ружье, и наверняка оно стреляет. Хотя бы иногда.

Соня достала телефон и включила фонарик. Луч метнулся по елкам, пробежал по нашим ногам, а потом...

— Следы! — объявила Соня сдавленным голосом. Внутри меня словно оторвался грузик на веревочке и с хрустом упал вниз. Вдоль тропинки тянулась цепочка следов. Одной ноги!

— Что дальше? — Соня повернулась ко мне и на секунду ослепила своим фонариком. Шапка у нее пушистая, в темноте показалось, что это волосы вокруг головы стоят дыбом. От страха. Такая волосатая шапка. Я бы посмеялась, но было не до того.

— Надо быстрее фоткать!

Мы сделали сто пятьдесят снимков. Потом штук двадцать селфи. Потом снова только следы.

— С разного ракурса, — распорядилась я. — Общий план, крупный план, измерение пальцем.

— Каким еще пальцем? Сама его туда засовывай!

— Хорошо, — согласилась я. — Но если что, моим родителям звонишь ты. И все объясняешь. Потому что я без пальца точно не смогу.

И только сунула в след палец, вокруг загудело. Деревья качнулись, стряхнули снег. Между

стволами словно промелькнул кто-то — черный, чернее темноты. Соня давай своим фонариком шарить туда-сюда. А у меня сердце запнулось, как перед контрольной. Вдалеке закричали. Или нам показалось. Соня вцепилась в меня, а я в нее. Впереди клубилась жуткая, паранормальная, жирная тьма. И внутри нее кто-то был. Тень. Черная тень приближалась неумолимо. И снег под ней не проминался.

Если бы Соня не заорала, мы бы наверняка поймали нежить. А так — спугнули. Мало того, на Сонины вопли выбежали полкорпуса пенсионерок и дежурная медсестра прямо в халате и тапках на босу ногу. «Девочки, вы чего, заболете, простудитесь, на вас и так соседи жалуются, что вы по ночам не спите, болтаете, а теперь решили деревья качать, как вам не стыдно». А мы не качали! Просто Соня прыгнула в сторону, чтобы с тенью не встретиться, врезалась в елку и заорала. И теперь медсестра с нас глаз не спускает, даже стул свой к нашей комнате передвинула.

Ну класс! Только этого не хватало. И без того следят все кому не лень, потому что мы тут единственные несовершеннолетние. И за нас весь персонал круглосуточно отвечает головой и зарплатой. Мало того, отдыхающие старушки с двумя стариканами тоже прониклись ответственностью. Правда, эти по собственному желанию. Вполсилы. «Мы же за вас волнуемся!» Ага, конечно. Нужны мы им очень. Если честно, мы вообще никому

не нужны, включая собственных родителей. Иначе не торчали бы здесь в зимние каникулы.

По документам Соня поправляет здоровье из-за кривой спины. А у меня совершенно чудовищное плоскостопие. Но на самом деле моя мама дружит со здешней заведующей, вот и пристроила меня — ЛФК, массаж, водные процедуры, всякое такое. Опять же, свежий воздух на природе, сбалансированное питание и радость жизни. И в выходные я у нее под ногами не путаюсь, это тоже полезно. Для маминых нервов. А то, что санаторий не детский, а пенсионерский, даже очень хорошо: старички плохому не научат. Курить там или кривляться на камеру и в интернет выкладывать — позорить семью. И у Сони похожая история: ее бабушка здесь раньше много лет работала, поэтому Соню соглашаются на время брать. Она же тихая и беспроблемная. Была. Пока я не появилась.

Мне сначала Соня не понравилась, как-то неловко было с ней рядом. Она же такая крупная, что даже полноценная женская грудь уже есть. А я худая, ростом ниже и на вид сильно младше, хотя нам по тринадцать. Но это потом выяснилось, на второй день. А в первый я, когда в комнате ее увидела, подумала: ну все, капец, эта дылда будет мной командовать. А Соня не то что командовать, даже просто разговаривать со мной не собиралась. Я ей тоже не понравилась. Потому что сидела весь вечер с наглым лицом, в телефон свой пялилась. И выше его держала, чтобы марку было видно: хвасталась и угнетала. А я просто пряталась — куда

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Детские книги:

